

Чжо Лань вовсе не забыл своё прошлое с Хэнином — он просто хотел выяснить, не случилось ли в волчьем клане чего-то, о чём ему неизвестно.

Хэнин охотно пошёл навстречу... и высыпал целую гору историй об их отношениях.

Надо признать: даже при том, что у Чжо Ланя были собственные воспоминания обо всём этом, когда Хэнин принялся выкладывать одну историю за другой, кончики ушей у него невольно начали гореть.

Как они где-то вместе зависали, как вломились на подпольный бойцовский поединок и устроили там полный разгром, как один из них однажды напился и начал строить глазки первому встречному, а другой явился наводить хаос... Всё это звучало как сладкая, беспорядочная возня. Раньше Хэнин почти никогда об этом сам не говорил — Чжо Лань знал: тому просто неловко. И вот теперь он шпарил без остановки, прямо и бесхитростно, — а Чжо Лань слушал и с трудом удерживался от желания зажать ему рот ладонью.

Ничего не поделаешь: иногда самые цветистые речи проигрывают одной откровенной и простой фразе.

К тому же Чжо Лань поневоле следовал за его словами, и в памяти всплывали те самые сцены. Он не так уж часто вспоминал об этом сам по себе, но теперь, когда Хэнин открывал один ящик за другим, воспоминания хлынули потоком. Иногда тот восстанавливал подробности, которых у Чжо Ланя не сохранилось, — и тогда в голове само собой складывалось: «А, вот оно как». Иногда же Хэнин откровенно приукрашивал собственные поступки или и вовсе перевирал, кто что говорил, — тогда Чжо Лань мысленно фыркал: «Да ладно, несёт и несёт...»

В общем, когда терпение лопнуло окончательно, он произнёс:

—... Всё это бесполезно. Я всё равно ничего не помню.

— Я просто рассказываю о том, что между нами было — разве не ты сам об этом просил? — Хэнин, которого резко оборвали, решил, что тому неприятно слушать, и внутри у него что-то кисло сжалось. На словах же он только беспомощно отозвался: — Я говорю правду. Вспомнишь — поймёшь.

— К сожалению, сейчас я ничего не понимаю. — Чжо Лань поднялся. — Если тебе больше нечего сказать — я ухожу.

Хэнин опешил:

— А кормиться не будешь?

— Мне кажется, сейчас не лучший момент использовать тебя для этого. Отложим на потом. — Чжо Лань собрал всю волю, наработанную на «тренировках по питанию», и заставил себя не смотреть на Хэнина. — Если честно, я думаю, что кусать тебя не стоит вообще. Больше того: пожалуй, нам лучше впредь вообще не встречаться. Надеюсь, ты с этим согласишься.

— Не соглашусь! — Хэнин резко вскочил. — Почему не можем встречаться?

— Понимаешь, я лишь хотел разузнать о том, что забыл. Но по твоим словам ясно: ты пытаешься разбудить мою память — а вместе с ней и моё отношение к нашим прежним отношениям. — Чжо Лань говорил ровно. — К сожалению, ничего не вспомнилось. Зато то, что ты рассказываешь, вызывает у меня... дискомфорт. Ты знаешь, каким взглядом сейчас на меня смотришь?

—... Каким?

— Взглядом охотника. — Чжо Лань произнёс это спокойно. — Судя по тому, что я помню, — я бы решил, что ты хочешь со мной подраться.

— Я не хочу с тобой драться!

— Угу. Судя по тому, что ты мне только что рассказал, — ты хочешь со мной «подраться» в несколько ином смысле. — Чжо Лань отозвался без тени смущения. — Теоретически я это понимаю. Но принять — не могу. Кровный клан не монахи, это верно. Но и сердце перед врагом вот так, с ходу, мы не раскрываем.

Хэнин вспомнил только что сказанное им самим:

— Ты... тебе было неприятно слушать про то, что у нас было? Противно?

— Точнее — странно. Словно существовал какой-то другой я, который через всё это прошёл, и теперь это насильно прикладывают ко мне — хочу я того или нет. — Чжо Лань нередко говорил, что актёр из него никудышный, но когда играл себя, ложь слетала с языка сама. — Хэнин, если считать только то, что я помню, — я и так к вашему клану отношусь вполне сносно. Я понимаю: если захотите встречи со мной — устроить её для вас раз плюнуть. Поэтому, если то, что ты говоришь, правда, — будь добр, посчитайся с моим положением. Не вынуждай меня думать о том, чтобы идти в разнос.

— Ты думаешь, я об этом не думал? — Хэнин слышал в каждом его слове отказ, и казалось, чья-то рука сжала ему сердце — дышать стало тяжело. — Если бы не думал — стал бы столько сил тратить, чтобы наша встреча выглядела нормальной и объяснимой? Ты думаешь, твоё расписание — тайна? Ты думаешь, я не смог бы появиться на твоих других съёмках?

Он медленно шагнул к Чжо Ланю и навис над ним, глядя сверху вниз:

— Чжо Лань, я не хочу тебя принуждать. Но и ты меня не вынуждай. Я сижу напротив и держу себя в руках — и это уже предел моего терпения. Ты умный, ты сам должен понять, чего мне на самом деле хочется.

Чжо Лань поднял на него взгляд:

— Значит, ты собираешься что-то сделать?

— Нет. Я сказал: без твоего согласия — не трону. — Хэнин помолчал. — И раз тебе неинтересно то, что я рассказывал, — может, скажу о другом?

— О чём?

— О том... как мы расстались. — Хэнин произнёс это с трудом. — Я намеренно откладывал — нужно было собраться с духом. Это немного как признание вины перед извинением: нужно честно назвать всё вслух. Я боялся, что ты разозлишься. И на себя злился — тоже. Никто не любит вспоминать боль. Ты должен это понимать.

— Хм. — Чжо Лань приподнял бровь. — Значит, виноват ты?

— Да, я. — Хэнин не отвёл взгляда. — Или — косвенно я.

— Вот так прямо признаёшь? Не обманываешь?

— Я хочу, чтобы ты вспомнил всё. Вспомнишь — ложь всплывёт, и тогда будет куда хуже. — Хэнин ответил тихо. — Я не позволю нашим отношениям стать ещё хуже.

Чжо Лань подумал про себя:... А только что ты уже соврал, между прочим!

Хэнин видел, как тот застыл и молчит, — решил, что Чжо Лань обдумывает предложение, и сказал:

— Садись. Я расскажу об этом подробнее.

Чжо Лань покосился на него — и в самом деле сел обратно.

Хэнин горько усмехнулся, взъерошил волосы и опустил голову.

Разлука Хэнина и Чжо Ланя в каком-то смысле была разлукой навечно.

И Хэнин, по большому счёту, не был прямой причиной.

Если коротко: однажды Хэнин напоролся на смертельных врагов, получил тяжёлые ранения, к которым добавилось обострение застарелой болезни — и всё вместе превратилось в угрозу для жизни. Волчий клан забрал его в своё священное место для лечения. К тому моменту, как до Чжо Ланя дошли хоть какие-то слухи, клан намертво закрыл свою территорию. В одиночку туда было не пробиться.

Тогда, чтобы спасти Хэнина, клан прибег к своему родовому тайному ритуалу.

Стоило его запустить — и тот, кто его принимает, вбирал в себя силу, накопленную волками за тысячи лет. Он становился непобедимым внутри клана и почти неодолимым для всего остального мира. Говорили: появись у волков такой вождь — и клан без малейших сомнений стал бы сильнейшим на всей планете.

Грубо говоря — это всё равно что завладеть ядерной бомбой.

Вот только ритуал нельзя было провести просто так: требовался особый катализатор с жесточайшими условиями. Нужна была девушка, отвечающая строгим требованиям, — и добровольно, по собственной воле, она должна была отдать своё сердце тому, кого исцеляют.

Условия хранились в летописях клана. Среди прочего — главное: девушка должна пройти «признание» священного места волков.

За всю задокументированную историю клана подобный катализатор не появлялся ни разу. Именно поэтому отец Хэнина в своё время умер от ран — спасти его было нечем. Нынешняя же девушка-человек наткнулась на это совершенно случайно: когда выяснилось, что она — «идеальный катализатор», её взяли на попечение и с тех пор держали при клане.

Совпадение состояло в том, что Хэнин был сильнейшим вождём клана за несколько сотен лет — равных ему не было. Каждый раз, когда он приходил в священное место, то явно ощущал его «благосклонность». Лучшего кандидата для ритуала было не найти.

И вот, под ненавязчивым руководством членов клана, девушка — само собой — влюбилась в Хэнина.

Она была катализатором, которого держали «на крайний случай». Тем, кто рано или поздно должен был отдать жизнь.

Только Хэнин не желал опираться на эту сомнительную силу — да и не знал, сработает ли. Девушка казалась ему хрупкой тепличной куклой без единой своей мысли, и она его не

привлекала. Так что ритуала он так и не принял — всё время пропадал где-то, в клан почти не возвращался. А когда встретил Чжо Ланя — и вовсе стал избегать волчьей территории. Возвращаться туда значило слушать нудные наставления о том, что давно пора провести ритуал, — уже от одной этой мысли портилось настроение.

Дни рядом с Чжо Ланем, который вечно язвил и никакой нежности к нему не проявлял, всё равно давали Хэнину ощущение лёгкости и тепла.

Именно поэтому Чжо Лань стал занозой в боку для большинства членов клана. Все были уверены: именно из-за него молодой вождь не желает проходить ритуал, отказываясь стать тем, кто мог бы вывести волков на вершину мира.

Впрочем, пока Хэнин был жив и здоров — этот ропот он подавлял. Пусть без ритуала, но он и так оставался сильнейшим в клане. Кто был недоволен — получал по зубам, и несогласных не оставалось.

До тех пор, пока Хэнин не получил тяжёлые ранения в сочетании с обострением старой болезни и не оказался на краю гибели.

При тогдашнем уровне медицины клан был бессилен. И решил воспользоваться случаем, чтобы провести ритуал: и Хэнина исцелить, и сделать его непобедимым, и вывести клан к вершине — всё разом.

Они объяснили ситуацию девушке. Та, зная о своём предназначении с самого начала, согласилась. Она любила Хэнина — и была готова отдать жизнь ради его жизни. Но именно потому, что любила, — выдвинула два условия.

Первое: похоронить её как жену Хэнина.

Второе: убить Чжо Ланя.

Да — даже она, никогда не выходившая за стены клана, тепличный цветок из стеклянного сада, знала о Чжо Лане. И ненавидела его всей душой — этого вампира, укравшего то, что должно было принадлежать ей. Она не могла смириться с мыслью, что принесёт себя в жертву, а Хэнин после этого будет рядом с тем, другим. Она хотела занять его место — пусть только номинальное. Она хотела смерти Чжо Ланя — хотя в глаза его никогда не видела.

И тогда один из подчинённых Хэнина — волк, прежде беспрекословно выполнявший приказы господина и никогда не питавший вражды к Чжо Ланю, — ради спасения Хэнина назначил ему встречу.

Поскольку этот волк прежде не давал Чжо Ланю поводов для подозрений, тот, услышав, что речь пойдёт о состоянии Хэнина, пришёл.

Его встретило серебряное лезвие, смоченное в святой воде, — вошедшее прямо в сердце.

Чжо Лань упал на месте. Волк смотрел на него — на незакрытые глаза, на замирающее дыхание — и произнёс:

— Прости. Ты должен умереть, иначе господин не выживет. Если ты любишь его — уходи с миром.

Потом вытащил лезвие.

Кровь хлынула во все стороны.

Чжо Лань кашлянул кровью — и затих.

Волк закрыл ему ещё открытые глаза, взял нож и ушёл. На лезвии осталась кровь Чжо Ланя. В священном месте клана есть способ воссоздать картину минувшего по крови — этого было достаточно, чтобы показать девушке.

Дальше всё — с точки зрения клана — пошло как по маслу.

Девушка посмотрела на запись, надела свадебный наряд и без колебаний пошла навстречу смерти. Клан похоронил её в своём некрополе и провёл ритуал над Хэнином. Ритуал сработал. Хэнин лежал в священном месте, и раны на его теле закрывались прямо на глазах.

Клан думал, что эпоха расцвета уже у порога.

— Пока Хэнин в священном месте не открыл глаза.

<http://bllate.org/book/19532/1997098>